

МЕЖДУНАРОДНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЖАЗОВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

17 →

Мы не можем делать вид, что этой проблемы не существует. Но тем ценнее люди, которые принимают решение приехать. Помню разговор с американской джазовой певицей Тирни Саттон, чей голос звучит во многих фильмах Клинта Иствуда. Она рассказывала, что ее отговаривали от поездки, предупреждали о возможной критике. Но ответила очень просто: «Мне много лет пишут люди из России и спрашивают, когда я наконец приеду. Кто я такая, чтобы им отказать?» Для меня это настоящее понимание того, что значит служить музыке и своей публике.

Каждый такой приезд становится важным прецедентом?

Именно так. Чем больше артистов приезжают — тем меньше остается страхов. Недавно мы принимали в России австралийского трубача Джеймса Морриссона. Он потом рассказывал, что перед поездкой друзья пугали его, говорили, что будут сложности. А когда он пришел получать визу, единственный вопрос, который ему задали, был: «Теплые вещи с собой взяли?» Мы действительно рады принимать артистов, которые приезжают с уважением к нашей стране и к нашей публике.

Есть ли в программе этого года имя, появлением которого вы особенно гордитесь?

Честно говоря, я горжусь всей программой. Этот фестиваль вообще не столько про отдельные имена, сколько про новые творческие встречи и новые проекты. Конечно, мы очень рады, что впервые в России выступил лауреат премии «Грэмми» Николас Пэйтон. Очень ждали новую программу Аглаи Шиловской и LRK Trio, рады приезду наших турецких друзей, выступлению Валерия Сюткина, участию Сергея Степанченко. Для меня каждый артист этого фестиваля — хедлайнер.

Для вас принципиально важно, что в рамках фестиваля проходят конкурс композиторов и профессиональная джазовая премия? Что вкладываете в эту работу с молодыми музыкантами?

Мы видим, как стремительно развивается джазовая сцена в России. Но чтобы она продолжала расти, молодым музыкантам нужны возможности создавать новое. Несколько лет назад мы выпустили сборник «100 российских джазовых стандартов» под редакцией саксофониста Антона Чекурова, куда вошли произведения отечественных композиторов разных поколений. Нам важно показать, что российский джаз — это не только классика, но и современная музыка.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЖАЗОВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Нужно создавать новые произведения, новые стандарты. Джаз не может жить только на Summertime и других пьесах из Real Book, какими бы великими ни были эти произведения. Именно поэтому конкурс композиторов для нас возможность открыть авторов, которых пока знают только профессионалы, и дать им возможность представить свою музыку широкой аудитории фестиваля.

Поэтому вы и расширили джазовую премию?

Да. Раньше существовала лишь одна награда — «Все цвета джаза», где есть только несколько номинаций. Мы решили создать более всеобъемлющую Всероссийскую профессиональную джазовую премию. Сегодня в ней уже семнадцать номинаций: лучшие инструменталисты, вокалисты, аранжировщики, композиторы. Нам хотелось, чтобы признание получили люди, которые зачастую остаются в тени, хотя именно они во многом определяют развитие джазовой сцены.

Вы отслеживаете молодых музыкантов практически с самого начала их пути?

Конечно. У нас выстроена целая экосистема. Есть Академия джаза, филиалы которой постепенно открываются в разных регионах страны. Уже работают академии, например, на Сахалине и в Новокузнецке. Есть проект «Будущее джаза», есть Всероссийский конкурс молодежных джазовых коллективов, который проходит в рамках Московского джазового фестиваля. Мы отбираем сто коллективов со всей страны для выступлений на больших площадках, и для многих это становится первым серьезным шагом в профессии. В следующем году мы планируем создать Всероссийский молодежный джазовый оркестр. Чем больше у молодых музыкантов возможностей проявить себя — тем сильнее будет вся индустрия. А значит, джаз в России продолжит развиваться.

Почему именно эти площадки? Почему, например, Юсуповский сад стал одним из главных мест фестиваля?

С Юсуповским садом вообще связана удивительная история. У нас есть фестиваль в музее-усадьбе «Архангельское», который тоже исторически связан с семьей Юсуповых. Потом оказалось, что и в Петербурге эта история продолжается. У нас есть еще Юсуповский дворец.

Так что места, связанные с Юсуповыми, стали для нас не просто точками на карте. В них сошлись история, личная симпатия и особая атмосфера. Нам бы очень хотелось, чтобы наша связь с ними стала долгой и прочной.

Открытие и закрытие фестиваля проходят в петербургской филармонии. Почему?

Это тоже особая история. Обычно в июле филармония не работает, но специально для фестиваля открывает свои двери. Мне кажется, что у этого зала удивительная атмосфера. Там всегда очень теплая публика, и нам важно, чтобы открытие и закрытие проходили именно в одном из главных академических пространств Петербурга. Что касается остальных площадок, мы постепенно ищем идеальную карту фестиваля. Нам очень нравится площадь Искусств: она находится буквально на пересечении городских потоков. Вернулся в программу Таврический сад. Второй год подряд концерты проходят в Петергофе, и это тоже оказалось очень удачным решением. Вообще сочетание джаза и петербургской архитектуры создает совершенно особую атмосферу.

Для вас джаз — это любовь или уже профессия?

Думаю, невозможно столько лет заниматься джазом, не любя его. Меня с детства приучали слушать самую разную музыку, в том числе джаз. А когда я начал работать с Игорем Михайловичем, эта музыка стала частью моей жизни. В этом году исполняется двадцать один год нашей совместной работы. И мне кажется, вся наша команда хорошо понимает, что делает важное дело для развития джаза в России.

Был ли концерт, после которого вы окончательно поняли, что джаз — это ваше?

Мне повезло: я могу слушать огромное количество музыки. Первый год работы — это было в 2005–2006 годах — я вообще провел в нашем клубе в Москве, каждый день открывая для себя новых российских и зарубежных музыкантов. Конечно, особенно дороги те проекты, которые мы представляли в клубах и на наших фестивалях. Это концерты Medeski Martin & Wood, Вероники Свифт, Хью Масекелы, Ивана Смирнова и многие другие.

Это радость продюсера или радость слушателя?

Их невозможно разделить. Конечно, ты испытываешь профессиональную гордость, когда проект состоялся. Но есть вещи, которые невозможно просчитать. Каждый раз, создавая новую программу, мы хотим, чтобы она прежде всего тронула нас самих. Потому что дело не только в профессионализме или в удачной идее. Главное — случится ли та самая химия. Когда понимаешь, что она возникла и ты приложил к этому руку, — это, наверное, самое невероятное чувство в нашей работе.

То есть на фестивале вы все-таки не только организатор, но и зритель?

Обязательно. Моя задача как организатора — не только контролировать процесс, но и быть внутри результата. Я стараюсь побывать на всех площадках, чтобы убедиться: та энергия и та магия, ради которых мы все задумывали, действительно случились. Это для меня главный критерий успеха.

Беседовала Татьяна Троянская